

После Битвы за Хогвартс Харрис не покидал территорию Хогвартса. Он остался с мадам Помфри и помогал ей, чем мог, людям и детям, которых нельзя было перевезти в больницу Святого Мунго.

Бежать, спасая свою жизнь, было страшно.

Потерять близких - страшно.

Борьба отнимала все, чем ты был, и переделывала тебя.

Но ничто не сравнится с тем, как потом собирать осколки.

Те дни, те недели после последней битвы. Беспомощность, сломленность.

Запахи и нездоровые факты о человеческом теле.

Гермиона и Рон не остались, да и вообще, кроме Полумны, никто из его друзей не остался с ним.

Гарри не винил их, особенно когда боль, ужас и ярость родителей и жертв были направлены прямо на него. Какими бы нелогичными ни были эти полные отчаяния слова, они ранили его глубже, чем он когда-либо признавался кому-либо.

Это ты виноват в том, что он напал на школу.

Почему ты не смог победить его раньше?

Это твоя вина!

Ты это сделал!

Отойди от моей дочери, урод!

Только Полумна видела это, была рядом с ним, и иногда ему казалось, что это настраивает его против нее.

Полумна всегда видела его насквозь, а после тех недель...

Это было так грубо, он был так груб.

Конечно, она всегда была рядом с ним, в конце концов, она была его лучшим другом, даже больше, чем Рон или Гермиона.

Полумна первой сказала ему, что не стоит торопиться с Джин, что они не самая лучшая пара друг для друга, потому что недостаточно хорошо друг друга знают.

Но Харрис поспешил с браком с Джином, он был так готов оставить позади старую главу своей жизни, начать жить, завести семью.

Но, конечно, Луна оказалась права. И хотя они остались, Харрис понимал, что упустил то, что могло быть по-настоящему прекрасным с Полумной Лавгуд.

Харрис всегда считал, что Полумне нужен кто-то лучше, лучше, чем он.

Это был тот самый самосаботаж и недостаток самоуважения, который стал причиной большинства бед в его дальнейшей жизни.

Это привело его к тому, что сейчас Беллатрикс, проклятая богиней Лестрейндж, полностью зависит от его заботы. Ситуация, в которой всплыли давно подавленные воспоминания о том времени, когда он был ассистентом мадам Помфри.

Она говорила ему, что из него получился бы хороший целитель.

Харрис знал, что его душа умерла бы, если бы ему пришлось видеть бесконечный поток страданий, даже если бы он мог им помочь.

Харрис успокоительно вздохнул, приложив кончик палочки к предплечью Беллы.

Харрис вновь обрел Старшую палочку после того, как один из его учеников сломал палочку Холли, и тогда он решил уничтожить ее, а свою нынешнюю палочку он получил от молодого мастера.

Резко выдохнув, он сосредоточился на задаче.

Он делал это уже трижды: один раз для Драко по просьбе Нарциссы, один раз для Тео и один раз для Блейза.

И Тео, и Блейза заставил принять метки Пожирателя смерти Фрил Нотт за несколько дней до Битвы за Хогвартс.

Харрис никогда не спрашивал их о подробностях, просто объяснил, как больно будет от

контрпроклятия.

Ему сказали, что это хуже, чем проклятие Круциатус, только локализуется в руке.

Харрис сделал все возможное, чтобы Белла чувствовала себя комфортно, принял теплую ванну с солями, пытаясь хоть немного облегчить боль, которую причиняло десятилетие сна на холодных шершавых камнях. На ее теле было так мало мяса, что белая кожа представляла собой россыпь синяков.

Даже после трех дней свободы она все еще спала, почти не шевелясь. В те моменты, когда она просыпалась, она открывала глаза, смотрела в пустоту, выпускала долгий вздох и ложилась обратно в постель.

Харрис не винил ее, и, если честно, ему было проще самому убирать и кормить ее, чем разбираться с тем, кто проснется.

Он знал, что зелье Андромеды работает, но не знал, насколько Белла была безумна или обусловлена. Зелье могло исправить только физические проявления первого.

Оно не могло убрать все воспоминания о насилии над ней или реальность ее поступков.

Харрис вздохнул, ругая себя за промедление. Он все еще размышлял о том, что лучше было использовать зелье, а не "одалживать" анестезию в магловской больнице, но он не был врачом, а зелье, которое он использовал, было мягким, потому что он не хотел рисковать тем, что контрпроклятие вызовет сильные побочные эффекты и затянет ее в неизбежный кошмар. В конце концов, это зелье было проверено не на многих людях.

Вдохнув еще раз, он осторожно, но крепко взял ее за запястье, произнося встречное проклятие и снимая чернила с ее кожи.

Ее тело дернулось, а лицо, все скулы и белая кожа, сморщилось от боли.

Это проклятие заняло около часа, и Харрис разделил свое внимание, переманивая проклятие с ее ауры и плоти на себя.

Тело Беллы напряглось от боли, и Харрис заговорил с ней, как с пугливым гиппогрифом.

Гермоин считала, что это очень нездорово, когда он так поступает: до сих пор Харрис был единственным, кому удалось произнести это заклинание, не получив отклика.

Харрис не стал объяснять, что до сих пор чувствует дыру в собственной ауре, куда просочилась душа Волдеморта.

Он до сих пор был уверен, что повреждение его духовной сущности началось на пятом курсе и было использовано Снейпом. Каковы бы ни были намерения этого человека, в итоге он оказался психически слаб.

Харрис осторожно расспрашивал Гарри о боли в шраме и о повторяющихся снах в письмах с Хедвиг.

Гарри ответил, что боль иногда бывает сильной, но сны не снятся.

Учитывая, что Харрис уничтожил пророчество в начале лета, последнее было неудивительно, но он все равно не доверял мистеру Безносому.

Только вот Харрис не имел ни малейшего представления о том, как избавиться от паразита внутри Гарри.

Кроме как убить его, что было нежелательно.

Ему пришлось отправиться за пределы страны, чтобы найти книги на тему магии души, но пока у него не было никаких зацепок.

Однако Харрис не терял надежды, даже если бы ему пришлось предложить себя в качестве носителя, он бы это сделал.

Наблюдая за контрпроклятием, он размышлял о том, как можно приспособить это или что-то подобное, чтобы отвязать паразита от Гарри.

Может быть, если ему удастся заполучить Нагини, он сможет провести тренировку. Ведь если со змеей у него ничего не получится, то, в конце концов, он намеревался убить её.

Белла корчилась в ванне, и Харрис заговорил с большей уверенностью: "Ш-ш-ш, Белла, ты в безопасности, скоро все закончится, ты в безопасности".

Она хныкнула и слегка отстранилась от него. Он осторожно взял ее за руку.

"Ты в безопасности, Цисса здесь, ты в безопасности", - повторял он снова и снова, проводя проклятыми чернилами по ее предплечью.

Он как мог отмахивался от воспоминаний об ужасах, направляя яд в зияющую дыру в своей душе, которая манила к Темным искусствам, как поле кошачьей травы к ораве котят.

Когда проклятие закончилось, над палочкой поплыли черные чернила - волнистая змея из

смеющегося черепа.

Харрис зажег из своей палочки огонь, который горел белым пламенем, сжигая даже пепел от чернил.

"Memento Mori, ублюдок, - прорычал Харрис.

Помни, что все вещи умирают, - эта истина была близка ему по духу. Даже когда все зло в мире казалось непреодолимым, он напоминал себе, что даже его враги однажды умрут.

Так он говорил себе, когда кошмары становились страшными, когда его мучили Волдеморт, Петтигрю, Крауч и... проклятая Беллатриса Лестрейндж.

Они были мертвы, говорил он себе, мертвы и ушли, несмотря на все, что Волдеморт сделал, чтобы предотвратить это.

Но Андромеда Тонкс разгадала вселенную, вернула мертвых к жизни, вернее, изменила их судьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/103415/3599283>